

Расторжение Шведско-норвежской унии в 1905 году. К столетию годовщины

Исаев М.А.*

Статья посвящена истории существования и распада Шведско-норвежского союзного государства (унии) в период с 1814 по 1905 г. Сложная форма унии, неопределенность ее общих механизмов предопределили ее судьбу. Во многом определяющим стало разнотемпное развитие норвежского и шведского обществ. Они в разной степени переживали модернизацию своих институтов. Рост норвежского национализма в равной мере оказал свое воздействие на судьбу унии.

История взаимоотношений Норвегии и Швеции в рамках такого сложного государственного образования, как уния, в отечественной науке исследована фрагментарно, чего нельзя сказать о скандинавской историографии¹. Поэтому настоящее исследование преследует прежде всего цели анализа основных форм, в которых произошло становление, развитие и прекращение существования государственно-правовой связи между двумя родственными народами.

Ключевые слова: уния; международное право и внутригосударственное право; Шведско-Норвежская уния; конституционное право; право на самоопределение; история Швеции и Норвегии; скандинавская интеграция.

---

* Исаев Максим Анатольевич – д.ю.н., доцент, профессор кафедры конституционного права МГИМО (У) МИД России. resdep@mail.ru.

¹ Не ошибемся, если скажем, что на русском языке существует всего две небольшие работы: Берендтс Э.Н. О шведско-норвежской унии. Историко-политический этюд. Ярославль, 1895; Теплов В. Расторжение шведско-норвежской унии. СПб., 1908. Среди исследований скандинавов нам бы хотелось указать прежде всего на: Reuterskiöld C.A. Till belysning af den svensk-norska unionsförfattningen och dess tidigare utvecklingshistoria. Stockholm, 1893; Varenius O. Unionsförfattningen ur svensk och ur norsk synpunkt. Kritisk framställning. Uppsala, 1893; Alin O. Den svenska-norska unionen. Uppsatser och aktstycken. Bd. I-II. Stockholm, 1889-1893 Lindgren R.E. Norway-Sweden. Union, disunion and Scandinavian integration. Princeton, 1959; Vedung E. Unionsdebatten 1905. En jämförelse mellan argumenteringen i Sverige och Norge. Stockholm, 1971; Castberg F. Juridiske stridsspørsmål i Norges politiske historie. Oslo, 1961 и др. Общеисторические курсы, созданные советскими историками, как-то: История Норвегии, М., 1980; История Швеции. М., 1974 – посвятили этому событию в жизни двух стран всего несколько страниц, ограничившись банальным перечислением фактов.

До 1814 г. Норвегия была фактически и юридически одной из провинций Дании. Но перипетии континентальной блокады Англии, участником которой на стороне Франции выступила Дания, выразились в том, что к концу 1813 г. Норвегия фактически утратила как экономические, так и политические связи с «метрополией». В буквальном смысле было нарушено даже транспортное сообщение между ними². Именно это объясняет ту свободу и легкость, с которой была провозглашена в мае 1814 г. независимость Норвежского королевства. Как известно, основой этой независимости как тогда, так и теперь считается Эйдсвольская конституция, действующая в стране до сих пор.

Одним словом, получился своеобразный казус. В марте 1814 г. по Кильскому трактату Дания отказалась от прав на Норвегию, уступая их Швеции (ст. IV и VII), разменивая ее на Шведскую Померанию и остров Рюген (ст. XIII). Но выполнение этих условий оказалось затруднено восстанием «маленькой гордой нации», как называют события первой половины 1814 г. норвежские историки³. Для устранения этого препятствия летом того же 1814 г. шведы под командованием маршала Бернадотта, будущего шведского короля Карла Йоганна XVI (норвежцы и шведы называют его просто Карл Юхан), вторглись в Норвегию. В августе подписывается между норвежской и шведской сторонами Мосская конвенция, по которой двумя государствами учреждается уния. В 1815 г. на Венском конгрессе Великие державы признают status quo на Скандинавском полуострове, а со следующего 1816 г. Шведско-норвежское соединенное королевство стало полноправным членом Священного Союза.

Возникает вопрос: что заставило шведов ревизовать положения Кильского трактата, заключить новую конвенцию (Мосскую), когда преимущество силы и права было явно на их стороне? Пожалуй, только советские историки могли в свое время всерьез рассуждать о «движущих силах» исторических процессов, за которыми скрывался тот или иной революционный класс. В принципе ответ на этот вопрос был

² Подробнее см.: Исаев М.А. Основы конституционного строя Норвегии. М., 2001. С. 8-11. Weibull J. Carl Johan och Norge. 1810-1814. Unionsplanerna och deras förverkligande. Lund, 1957. S. 7-8, Bagge S., Mykland K. Norge i dansketiden. 1380-1814. Oslo, 1987. S. 313 и сл.

³ «Маленький народ, один из самых малых в нашей части света, противопоставил себя европейским сверхдержavam и создал свое собственное государство». Det Norske Stortinget gjennom 150 år. Oslo, 1964. Bd. 1. S. 1.

дан уже в середине прошлого века. Главной силой, ревизовавшей условия Кильского трактата, заключившей Московскую конвенцию, и главным творцом государственности Норвегии, пусть в рамках унии, оказался сам Карл Юхан.

Иоганн Баптист Юлий князь Понте Корво, маршал Бернадотт стал наследником шведской короны по выбору народа. Как и любого авантюриста, вознесенного на гребень волны успеха наполеоновскими войнами, у него можно было явно наблюдать обостренное чувство самосохранения. Осознавая всю шаткость своего положения, он должен был казаться своим новым подданным бóльшим шведом, нежели они сами, одновременно с этим ему необходимо было позаботиться о собственной судьбе, измени ему пресловутая фортуна. Что, собственно, он с блеском и проделал, взяв в свои руки процесс введения Норвегии в унию со Швецией. Шведские историки⁴ давно уже обратили внимание на то, что первоначальная формулировка ст. IV Кильского трактата: «*appartiendront désormais en toute propriété et Souveraeneté au Royaume de Suède et lui restent incorporés*» [«отныне будет находиться в собственности и под суверенитетом королевства Швеции, составляя с ним неразрывное целое»] по личному настоянию Карла Юхана была заменена совершенно другой: «*appartiendront désormais en toute propriété et Souveraeneté à S.M. le Roi de Suède, et formeront un Royaume, réuni à celui de Suède*» [«отныне будет находиться в собственности и под суверенитетом Его Величества короля Швеции, представляя собою особое королевство, соединенное со Швецией»]. Из последней явствует,

⁴ Более подробно: Weibull J. Carl Johan och Norge. S. 174 и след., 183; Андерсон И. История Швеции. М., 1951. С. 319. Анализ совокупных личных интересов, заставивших его вести себя в 1814 г. определенным образом, дают два норвежских историка: вес личных обещаний, данных им норвежцам (в том числе и в прокламациях, выпущенных при вторжении шведских войск в Норвегию летом 1814 г. – *М.И.*); боязнь густавианской реставрации (сам Бернадотт оказался в роли наследника шведской короны благодаря свержению в 1809 г. законного короля Густава IV Адольфа, которого шведы отправили в изгнание, тот умер только в 1837 г. в Швейцарии. – *М.И.*); боязнь вмешательства великих держав (дипломатическая ситуация весны-лета 1814 г. не благоприятствовала шведским интересам: так, союзники отказались надавить на датского короля, с тем чтобы тот выполнил условия Кильского трактата и отозвал датский офицерский и чиновный корпус из Норвегии. – *М.И.*); надежда на то, что вакантный после Наполеона трон Франции будет предложен ему, Бернадотту; влияние шведского конституционализма и надежда на то, что потом можно будет взять обратно все уступки (как все авантюристы, Бернадотт был беспринципен, ему принадлежат слова: «*opposition c'est conspiration*» – «оппозиция – это заговор». Bagge S., Mykland K. Norge i danske tiden. S. 314.

что Бернадотт готовил себе теплое местечко, окажись в Швеции его интересы под угрозой. Фактически признав отдельный государственно-правовой статус Норвегии в Кильском трактате, Мосская конвенция только подробно определяла, как будет теперь существовать уния двух государств.

* * *

Выполняя решения Мосской конвенции (14 августа 1814 г.) в октябре-ноябре 1814 г., стортинг – норвежский парламент, – созванный на чрезвычайное заседание, одобрил положения конвенции и избрал Карла XIII (приемного отца Бернадотта) норвежским королем. В дальнейшем предстояло выработать для двух государств общий акт, который бы регулировал существование союза. Такой Государственный акт (Rigsact) был принят в 1815 г. и юридически стал частью конституции Норвегии, не потеряв при этом своей международно-правовой значимости, поскольку шведский риксдаг ратифицировал его именно как международный договор.

Такая неопределенность оформления акта соединения уже с самого начала превратилась в мину замедленного действия. Как мы сказали выше, Государственный акт был одобрен и опубликован от имени стортинга в качестве внутреннего закона страны, тогда как со стороны Швеции Riksact был «принят, обсужден и одобрен королем», то есть получил ратификацию, не повлияв на изменение положений Формы правления 1809 г. Юридическая ущербность союза, таким образом, оказалась налицо. Единственной скрепой государств становился король (точнее, династия шведских монархов). Таким образом, не было создано твердых правовых гарантий государственного единства, коренящихся обычно в ясных и обязательных нормах, регулирующих деятельность общих органов с единой компетенцией, а не личности, пусть и монарха. Своеобразный государственный снобизм шведов, настаивавших на соблюдении условий Кильского трактата, которыми Норвегия передавалась шведскому королю на принципе *личного* владения, сыграла с ними, таким образом, злую шутку.

Повторим еще раз, сложилась ситуация, когда норвежцы считали возможным для себя трактовать акт унии вкупе с отредактированными в ноябре 1814 г. положениями Эйдсвольской конституции как единый конституционный документ. Из этого следовало, по их мнению, что коль стортинг даже по условиям отредактированной конституции получал возможность вносить в нее изменения (соблюдая, однако, условия

§ 112 – этот параграф запрещает вносить в конституцию изменения, противоречащие ее духу и принципам), то стортинг имеет право простым своим решением в будущем расторгнуть унию, внося в основной закон соответствующую поправку. Потом этот тезис делается главным лозунгом норвежского сепаратизма. Шведы же в свою очередь полагали, что Государственный акт, хоть и ставший частью конституции Норвегии, является вместе с тем международным договором, поскольку служит основанием для редакции ноября 1814 г., следовательно, даже изменяя конституцию, невозможно вместе с тем изменить основание ее норм. В противном случае возникала бы довольно абсурдная ситуация возвращения Норвегии статуса личной собственности шведского короля, то есть положения до Москвой конвенции. Поэтому уния могла быть расторгнута только по взаимному согласию.

Истины ради необходимо заметить, что не все норвежские юристы столь односторонне оценивали Rigsact 1815 г. Уже Ф. Станг, автор *Kongeriget Norges constitutionelle eller grundlovsbestemte Ret* («Конституционное или закрепленное в основном законе право королевства Норвегии», изд. 1833 г.), или Т. Ашехуг, автор *Norges nuværende Statsforfatningsret* («Современное конституционное право Норвегии», изд. 1885 г.), довольно сдержанно относились к возможности одностороннего изменения условий унии. Представитель позднейшего поколения норвежских юристов, патриарх норвежского конституционализма Фред Кастберг на страницах своего фундаментального курса по конституционному праву Норвегии утверждал, что необходимо все же проводить разграничительную линию между самим Государственным актом и ревизованной им Эйдсвольской конституцией, поскольку эти документы являются разнорядковыми по своему положению в системе источников права (конституция и международный договор, в силу которого конституция получает свое утверждение) и имеют совершенно разный предмет регулирования: Государственный акт регулирует создание унии, а конституция – взаимоотношения между королем и парламентом (стортингом)⁵. Однако одновременно утверждалось, что между конституцией и Государственным актом установлена тесная связь (по основанию нормы: акт содержит в себе цель, ради которой существует конституция)⁶, таким образом, фактическое измене-

---

⁵ Castberg F. *Norges statsforfatning*. Oslo, 1947. Bd. I. S. 152–154.

⁶ Andenæs J. *Statsforfatningen i Norge*. Oslo, 1994. S. 59.

ние Эйдсвольской конституции в будущем должно было бы отражаться на статусе Государственного акта.

Юридически ситуация действительно выглядела довольно темной и запутанной. Обычно в подобных случаях юристы обращаются к практике применения нормы, содержание которой кажется им неясной. Только практика способна внести определенность в данную проблему. Одним из первых шагов этой практики являются меры по выполнению условий, при которых действие нормы становится вообще возможной, то есть при создании тех органов и институтов, которые в своей деятельности руководствуются содержанием этой «темной» нормы. Следовательно, необходимо проанализировать формы осуществления самого Государственного акта 1815 г.

* * *

Согласно условиям акта унии Соединенное королевство Швеции и Норвегии получало следующее устройство. Главой государства объявлялся король. Соответственно, в этой части действовал Устав о престолонаследии 1810 г. – один из конституционных законов Швеции (ср. § 6 ноябрьской конституции). Другим общим установлением был закон о совершеннолетию короля от 18 июля 1815 г. Помимо этого создавался специальный (уже по положениям Государственного акта) Регентский совет (*Formynderstyret*, § 8 акта). Совет формировался на пропорциональной основе стортингом и риксдагом. В случае пресечения династии создавался так называемый Карлстадский комитет (*Karlstad-komité*), состоявший из равного числа представителей национальных парламентов, который и должен был избрать нового короля или назначить наследника правящему королю, если такого у него не было. Комитет создавался при условии, что ни риксдаг, ни стортинг не могли договориться на отдельных заседаниях о подходящей кандидатуре (§ 3 и § 11 акта).

В случае несовершеннолетия короля формировалось Временное правительство (*Interimsregering*) из равного числа представителей Норвегии и Швеции. По своему служебному положению они должны были быть членами государственных советов обоих королевств, то есть министрами. Временное правительство действовало до формирования Регентского совета (§ 7).

Король являлся главой исполнительной власти обоих королевств. В случае принятия необходимых мер, затрагивающих интересы как

Норвегии, так и Швеции, при монархе создавался соединенный Государственный совет (§ 4 акта). Если же государственный совет Норвегии или Швеции обсуждал вопросы управления, затрагивающие интересы другого государства, в этот Совет входило три члена Государственного совета страны, чьи интересы затронуты (§ 5).

Государственный акт постановлял (§ 4), что внешнеполитические дела будут находиться в компетенции короля. Тем самым создавалось общее министерство иностранных дел. Соответственно, дипломатические и консульские миссии за рубежом также должны были быть общими.

Сколь неопределенными, как видим, были положения, определявшие структуру союза, столь же неясна была и компетенция общих органов. Кроме того, общая компетенция союза проявлялась только во внешнеполитических и внешнеторговых делах, да и то в конце 80-х гг. XIX в. таможенные системы двух стран стали раздельными. А еще несколькими десятилетиями ранее стортингу удалось принять сепаратный закон, регулировавший экономику страны столь либеральным образом, что это сразу же создало разительный контраст по сравнению с отсталыми и консервативными нормами шведского промышленного законодательства. Даже денежные системы у королевств были раздельными; единственно, чего смогли добиться в этой области, – принять закон о размене валюты от 1875 г.

Более того, не наблюдалось единства и в таком важном вопросе, как гражданство. До 1888 г. в Норвегии действовали положения еще эпохи датского абсолютизма, в основе которых лежал принцип почвы (право домицилия). Только с указанного года Норвегия приняла сепаратный закон, введя принцип крови в качестве основополагающего способа приобретения норвежского гражданства. Швед, однако, получал права гражданства, поселяясь на постоянное место жительства в пределах Норвегии⁷. Шведские подданные могли наравне с норвежцами владеть недвижимостью, быть владельцами судов. Экстрадиция иностранца из одного государства считалась обязательной и для другого.

В таком важном вопросе, как оборона, в равной степени не наблюдалось единства. Согласно постановлениям § 4 Государственного акта, король являлся верховным главнокомандующим вооруженных сил

---

⁷ По данным на 1865 г., в Норвегии проживало 15 784 шведа, что составляло чуть больше 1 % от общей численности населения страны. Энкель К.Г. Швеция и Норвегия. Отд. 1. Статистика. СПб., 1880. С. 40.

соединенных королевств. Однако он, например, не мог ни увеличить, ни уменьшить численность норвежской армии. Воинские формирования шведской армии могли находиться на территории Норвегии в течение срока не более чем в 6 недель и при численности не более чем 3000 человек⁸. Объявление войны также могло состояться только с разрешения Государственных советов обоих королевств.

Условия Государственного акта 1815 г. дополняли постановления конституции Норвегии, согласно которым король обязан был не менее трех месяцев в году присутствовать в стране, при нем постоянно должен был находиться премьер-министр (другой премьер находился постоянно в Кристиании), при отсутствии короля последнего представлял наместник (вице-король – § 13 и § 14 конституции). Разница между этими двумя должностями, судя по всему, заключалась в том, что вице-королем мог быть кронпринц или его старший сын (*Vice-kongen kan ikkun Krongrindsen ellers hans ældste Søn være*), а наместником – чиновник, по происхождению или норвежец, или швед (*Til Statsholder udnævnes enten en Nordmand eller en Svensk*) – § 14 конституции.

При сопоставлении данных норм нетрудно заметить, что шведско-норвежское государство по своему устройству, скорее, является так называемой реальной унией⁹. В юриспруденции принято отличать реальную унию (*unio realis*) от личной (персональной – *unio personalis*), подразумевая под первой государственное образование сложного характера, хоть и единое с международно-правовой точки зрения, но с сохранением за каждой из частей унии государственного суверенитета. Суверенность прав ограничена только общими учреждениями.

Основанием реальной унии является такая форма правоотношений, как международно-правовой договор, нацеленный на создание особого сложно-составного субъекта, характер правоспособности которого обусловлен, скорее, нормой *ius in rem*, но никак не *ius in personam*. Нормы первого порядка создают материальный субстрат реальной унии – совокупность взаимных прав и обязанностей по созданию общих учреждений, регулированию их компетенции. Вне этот субстрат, повторим, получает статус субъекта международного права. Составные

⁸ Энкель К.Г. Указ. соч. С. 30. Даже в случае ведения совместных боевых действий без разрешения стортинга не могло быть создано объединенного командования, поскольку норвежским войскам запрещалось покидать границы страны. Там же. Отд. 2. Вооруженные силы. СПб., 1880. С. 234, ср. § 25 конституции Норвегии.

⁹ Таково было общее мнение европейской науки XIX века: Пергамент М.Я. Юридическая природа реальной унии. Одесса, 1893. С. 9, 32–45.

части этого субъекта лишены такой правоспособности как раз потому, что характер норм, регулирующих их взаимоотношения, не принадлежит к *ius in personam*.

Вместе с тем это не конфедерация, как иногда в нашей историографии оценивают данную унию. Термин «конфедерация» применим к государственным образованиям с республиканской формой правления, в которых отсутствует пост главы государства, наделенный реальными властными полномочиями. Личная уния даже не создает единого государства с международно-правовой точки зрения. Она только указывает на тесные связи двух государств. Классическим примером личной унии следует считать брак двух суверенов.

Соответственно, квалификация норвежской государственности в период с 1815 по 1905 г., которую можно сравнить со знаменитой кантовской вещью в себе¹⁰, нуждалась в дальнейшем прояснении собственной сущности. Говорить о Норвегии как о полностью сложившемся государстве, в общем-то, не представляется возможным. Норвегия была самостоятельным королевством, но только эта самостоятельность была действительна не вовне, а внутри унии. Норвегия была самостоятельной по отношению к Швеции, но не по отношению к остальному миру.

* * *

Общий ряд причин, лежащих в основе прекращения союза в 1905 г. и обретения Норвегией государственной независимости, в общем-то можно разделить на несколько групп. Первая группа причин находит свое объяснение в своеобразном мифе о скандинавском единстве. Близкие народы, прежде всего по происхождению, языку, культуре и истории, как правило, не создают стойких государственных образований. Скандинавский регион здесь не исключение. Идеология скандинавизма, поднятая в качестве знамени общности северных народов в 40-х гг. XIX в. и рецидивами повторявшаяся потом в течение всего века, на самом деле была слабой попыткой скандинавов найти свой ответ возраставшей мощи Германии (пан-германизму) в Европе¹¹. В общем-то,

¹⁰ Так, например, отец-основатель современной науки геополитики швед Рудольф Челлен признал, что в период с 1815 по 1905 г. Норвегия по сути была полусуверенным государством: Kjellen R. Staten som livsform. Stockholm, 1916. S. 164, ср. также: Castberg F. Juridiske stridsspørsmål i Norges politiske historie. Oslo, 1961. S. 11.

¹¹ См. прекрасное исследование: Christensen H. Skandinaviske drømme og politiske realiteter: Den politiske skandinavisme i Danmark. 1830–1850. Århus, 1981 или: Stenberg K. Sverige-Norges skandinaviske alliansepolitik. 1863. Helsingfors, 1943.

не столь уж скандинавы похожи друг на друга. Только со стороны может казаться, что они одинаковы.

Другая группа причин, более формальных, и поэтому кажущихся объективными, традиционно обозначалась как социально-экономическая и заключалась в том, что в середине XIX в. Норвегия совершила гигантский скачок в своем экономическом развитии. В момент вхождения в унию это была отсталая, разоренная войной страна с огромным внешним долгом, тогда как в конце XIX . маленькая Норвегия обладала уже четвертым по величине торговым флотом в мире при почти поголовной грамотности населения. Исследователи начала XX в. отмечали несоответствие уровня экономического развития двух стран: Норвегия, добившись крупных успехов в промышленности и торговле, была ориентирована на вывоз и поэтому нуждалась в либеральной таможенной политике, тогда как Швеция находилась еще в стадии формирования собственной индустриальной базы, в связи с чем объективно нуждалась в протекционистских таможенных мерах.

Весьма выпукло противоречия в области экономики сказались именно в сфере внешнеторговых интересов. «Обширная заморская торговля Норвегии, – писал один русский публицист начала XX в., – и рост норвежской промышленности нуждались в защите торговых и промышленных интересов Норвегии за границей. Во многих заграничных городах шведы конкурируют с норвежцами; при таком положении дел личный состав консульств имеет большое значение, а между тем шведы, успевшие заручиться сильным влиянием на общие дела соединенных королевств и имевшие своего министра иностранных дел, не допускали назначения консулов из норвежцев как раз в таких торговых центрах. В Риге, например, консулом вопреки протестам Норвегии состоял швед, хотя в этом городе сталкиваются противоположные шведские и норвежские торговые интересы»¹². Наиболее остро также стоял вопрос о назначении норвежских консулов в порты Южной Америки.

В немалой степени консульская проблема усложнилась из-за спора о консульских сборах и заключения торговых договоров. Впервые

---

¹² Теплов В. Расторжение шведско-норвежской унии. С. 29. Однако непредвзятый анализ существенно снижает объективность данной группы причин. Швеция с небольшим запозданием в последней четверти XIX столетия включилась в индустриализацию, проблема заключалась, на наш взгляд, в том, что две бурно развивающиеся страны не позаботились о создании единого экономического организма. Обе они были ориентированы на вывоз, внутренний товарооборот между ними был крайне низок, на это, кстати, тоже в свое время указал Р. Челлэн: Kjellén R. Op. Cit. S. 131.

вопрос об отдельных консульствах, как и дипломатических представительствах, Норвегия подняла в 1838 г., но особую остроту этот вопрос приобрел тогда, когда самостоятельная база внешнеэкономической деятельности страны была подготовлена, то есть в конце 70-х гг. XIX столетия. Непосредственно поводом к обострению отношений в этой области явился сепаратный норвежский закон о консульской деятельности (*konsulatloven*), принятый в 1879 г. Согласно ему норвежские судовладельцы обязывались платить консульский сбор только в тех портах, где есть норвежский, а не шведский консул (по кроне за одну тонну груза). Естественно, это вызвало резкое недовольство шведов, поскольку согласно непредвзятым подсчетам именно Швеция несла основное бремя расходов по содержанию консульских учреждений¹³. Дальнейшее развитие показало, что именно консульская проблема стала камнем преткновения на пути существования унии.

В 1895 г. стортинг постановил после очередного отказа короля санкционировать сепаратный закон по этому вопросу, начать переговоры с Швецией о реформировании унии. Попутно попытки принятия сепаратного закона о консульствах не прекращались. В 1900 г. принц-регент наложил в очередной раз вето на такой закон. Казалось, в 1902 г. появился шанс, когда после провала переговоров о судьбе унии было принято решение принять унифицированный закон о консульствах одновременно и в Норвегии, и в Швеции. 24 марта 1903 г. было подписано даже специальное соглашение об этом. Однако и тут при обсуждении общего акта выявилось коренное противоречие, разрешить которое не помогло посредничество принца-регента. Поэтому весной 1905 г. кризисный вопрос о консульствах приобрел окончательно судьбоносное значение для соединенного королевства.

Практика заключения торговых договоров до конца 1870-х гг. фактически выражалась в том, что Стортинг был лишен влияния на содержание такого рода договоров, но в 1882 г. по просьбе норвежцев

---

¹³ Берендтс Э.Н. О шведско-норвежской унии. С. 54 и след. См. также: *Det Norske Stortinget gjennom 150 år*. S. 282 и сл. Проблема обострилась потому, что старая система агентских консульских отношений в период с 1870 по 1875 г. подверглась изменению. Страны стали переходить на упорядоченную систему оплаты работы консулов. Если ранее консульские агенты получали жалованье из сумм пошлин за взвешивание, загрузку и отгрузку товара, то теперь им стали платить жалованье централизованно. При резком увеличении тоннажа торгового флота обеих стран консульская проблема приобрела не только экономическое, но и политическое значение: Emanuelson K. *Den svenska-norska utrikesförvaltningen 1870–1905*. Lund, 1980. S. 57.

новый торговый договор с Францией прошел ратификацию одновременно в риксдаге и в стортинге. Впоследствии этот порядок более или менее соблюдался.

Вопрос об отдельных от Швеции норвежских дипломатических представительствах (или миссиях, как говорили в XIX в.) не был, конечно, столь острым, как вопрос о консульствах или министерстве иностранных дел, но уже в 1869 г. стортинг впервые предпринял попытку провести отдельной строкой бюджета ассигнования на расходы союзного министерства. Тогда эта попытка не увенчалась успехом. В 1874 г. Конституционный комитет стортинга снова официально сделал заявление о праве парламента утверждать специальные графы расходов союзного МИДа по тем направлениям, которые представляют для Норвегии особый интерес. Шесть лет спустя стортинг еще раз, но уже от своего имени сделал подобное заявление. Однако в 1885 г. произошла реформа рассмотрения и решения союзным Госсоветом внешнеполитических дел. Ранее союзный министр иностранных дел был полномочен только докладывать королю внешнеполитические дела, теперь же он получал право подготавливать их, король только формально утверждал выработанное решение. Подоплекой этой реформы были, собственно, внутришведские противоречия – начиналась эпоха демократизации государственного строя Швеции. Однако, совершая столь радикальные изменения в сфере государственного управления, шведы не учли, что форма правления союзного королевства Норвегия в несколько раз демократичнее порядков в самой Швеции. Фактически, с точки зрения норвежского конституционного права, уступка короля по отношению к риксдагу означала существенное изменение его полномочий во взаимоотношениях со стортингом. Формально стортинг за два года до этого ввел принцип парламентаризма и, соответственно, приобрел преимущество над исполнительной властью во всех сферах управления, включая и внешнеполитические дела. После трудных переговоров норвежцам удалось добиться только равного представительства в союзном Госсовете, обсуждающем иностранные дела. Требование Норвегии о совместном с риксдагом праве назначения министра иностранных дел унии было отвергнуто.

Создавшееся положение, при котором министры не несут перед парламентом ответственности, противоречило нормам Эйдсвольской конституции, хоть и отредактированной 4 ноября 1814 г. Естественно, конфликт в этой сфере оказался загнанным внутрь, метастаз приходилось

ожидать не долго, и уже в 1889 г. стортинг вновь вернулся к испытанным средствам финансового давления на союзные власти. В указанном году норвежский парламент напрямую обратился к правительству с предложением урезать расходы по содержанию дипломатических представительств за рубежом. В следующем 1890 г. стортинг заявил, что бюджет МИДа может пополниться за счет Норвегии только при условии учреждения постов (временных) норвежских представителей при миссиях унии в Вене, Константинополе, Риме и Копенгагене. С крайней неохотой шведы учли требования норвежской стороны, но уже в 1893 г. стортинг отказался утвердить расходы по секретному фонду министерства иностранных дел под предлогом того, что норвежская сторона не может контролировать траты из этого фонда.

В дальнейшем разногласия во внешнеполитической сфере привели к тому, что вопрос о реформировании унии приобрел чрезвычайную остроту. Для его решения был даже учрежден специальный комитет, безрезультатно про заседавший вплоть до 1902 г. Оценивая положение, в котором очутились шведы и норвежцы, можно заметить, что корень этого противостояния лежал, конечно, не в возросшем национализме¹⁴, успешно разжигавшемся лидерами радикальных либералов¹⁵, а в обыкновенной борьбе за власть тех конкретных партийных кругов Норвегии, для которых конституционный кризис 1884 г. ознаменовался учреждением постоянного канала властного влияния на правительство. Соответственно, к анализу конкретных государственно-правовых форм «несовместимости» Норвегии со Швецией мы сейчас и переходим.

* * *

Главной причиной разрыва унии в 1905 г., на наш взгляд, стало радикальное несоответствие государственного строя Норвегии государственному строю Швеции. Как писал в конце XIX в. известный русский

---

¹⁴ «Основание этого внешнего взрыва активности во внешнеполитической области, – писал один норвежский историк, – является сложным и далеко не исследованным полностью. Изначально легко связать возросшее разочарование деятельностью внешнеполитических органов с норвежскими внешнеторговыми интересами и с недоверием к содержанию самой внешней политики, а затем и с сильным желанием поставить под конституционный контроль руководство внешней политики. Однако обе эти тенденции питались растущей волной норвежского национализма». *Det Norske Storting gjennom 150 år. Bd. II. S. 291–292.*

¹⁵ Неплохая сводка аргументов норвежцев в этом споре приведена и проанализирована Берендтсом: *О шведско-норвежской унии. С. 70 и след.*

скандинавист Э.Н. Берендтс (что особенно привлекательно, он был юристом): «В Норвегии политическая жизнь XIX в., абсолютное равенство граждан, полная экономическая свобода. В Швеции цепи полицейского государства, раздробление народа на 4 сословия, крепко держащихся своих привилегий. В Швеции – принцип король один управляет государством; в Норвегии – *veto suspensivum*; в Швеции сословный сейм с влиятельной рыцарской курией, в Норвегии бессословный стортинг и общество, добровольно уничтожившее дворянство и всякие аристократические эмблемы и привилегии...»¹⁶. К этому можно добавить: в Норвегии с 1884 г. – парламентская форма правления, в Швеции с 1866 г. – дуалистическая монархия, когда министры несут ответственность не перед риксдагом, а перед королем.

Конечно, и в Норвегии, и в Швеции конституционный строй постепенно эволюционировал к современной модели конституционной монархии, но у двух народов в самом начале их общей политической истории оказались неодинаковые стартовые возможности. Эйдсвольская конституция, даже и отредактированная согласно Мосской конвенции, превращала стортинг в реальный центр власти, мало зависимый по условиям Государственного акта 1815 г. от Стокгольма. Историческая случайность, согласно которой король не мог постоянно присутствовать в Кристиании, в конце концов привела к тому, что и правительство (норвежский Госссовет) оказалось со временем вне влияния главы унии. Норвежские министры постепенно привыкали действовать самостоятельно, без оглядки на бюрократов из Стокгольма.

Первоначально, до учреждения парламентаризма в 1884 г., норвежцы крайне редко вступали в спор по вопросам осуществления государственной власти. Однако первый серьезный конфликт не заставил себя долго ждать, и последовательно в 1815, 1817 и 1821 гг. стортинг вотирует закон об упразднении дворянства и его привилегий (*Adelsloven* 1 августа 1821 г., только подтверждавший первоначальные положения ч. 2 § 23 и § 108 конституции). Королевское вето было преодолено в третий раз, и согласно положениям конституции (§ 79) закон вступил в силу без формальной санкции монарха. Не помогло даже предложение шведов сохранить дворянство, но с упразднением всех его политических привилегий. Следующий серьезный конфликт в правовой сфере опять-таки был вызван правом отлагательного вето (*veto suspensivum*) короля.

---

¹⁶ Берендтс Э.Н. Указ. соч. С. 63.

Поскольку бюджет страны принимается обычно в форме закона, то с 1830 г. норвежцы стали принимать бюджет в форме пленарной резолюции стортинга (на совместном заседании одельстинга и лагтинга – обеих частей парламента), таким образом король лишился возможности в процессуальном плане накладывать вето на бюджет (см. § 82 конституции). В 1845 г. норвежцам удалось подтвердить право обязательной контрассигнатуры соответствующим министром указа короля, тем самым все решения монарха должны были формально получать санкцию Государственного совета страны.

Несомненно, подобного рода «нововведения» (в сегодняшней Норвегии все они имеют статус конституционно-правовых обычаев) напрямую не влияли на взаимоотношения Норвегии со Швецией. Сама уния не подвергалась эрозии, скорее, ревизовались отношения норвежского парламента с норвежским королем, который одновременно являлся королем Швеции. Особенностью реальной унии Швеции и Норвегии было то, что суверен обладал двумя коронами, единой короны в государственно-правовом смысле (как это случилось, например, в унии Англии и Шотландии от 1707 г.) так и не появилось.

Немаловажным было и то, что национальная (норвежская) бюрократия вплоть до середины XIX в. прочно удерживала позиции в парламенте. Однако рост демократизации избирательного права¹⁷ изменил ситуацию в корне. Стортинг постепенно становился вотчиной радикально настроенной интеллигенции и городской буржуазии. Более того, укрепился сам статус депутата. Исследования показывают постепенный рост числа депутатов, избравшихся в стортинг по несколько раз: так, в период с 1815 по 1827 г. таких депутатов было только 35% от их общего числа, а в период с 1859 по 1874 г. их было уже 68 %¹⁸. Эта тенденция говорит только об одном: депутат постепенно превращался в профессионального политика! Политическая деятельность стала *ratio* его жизни. При таких условиях депутатский корпус из машины для голосования становится машиной для завоевания политической власти. А если учесть, что положение стортинга в системе органов государственной власти, его полномочия тогда, как и сейчас, напоминали положение и компетенцию якобинского Конвента, то нетрудно

---

¹⁷ Steen S. *De frivillige sammenslutninger og det Norske demokrati // Tusen år Norsk historie*. Oslo, 1958. S. 182 et an. См. особенно: Seip J.A. *Fra embetsmannstat til ett partistat*. Oslo, 1963.

¹⁸ *Det Norske Stortinget gjennom 150 år*. Bd. I. S. 137.

догадаться, что депутат будет делать все от него зависящее, чтобы упорочить собственное положение, что достигается за счет еще большего усиления положения парламента.

Главный удар, собственно, пришелся на единственное препятствие полновластию национального парламента – королевские prerogatives в сфере сначала законодательной власти, а потом уже и исполнительной. Поскольку внешнеполитические дела традиционно относятся к сфере полномочий исполнительной власти, то, сначала получив через борьбу с правом вето преобладание в законодательстве, норвежцы затем вторглись и в компетенцию власти исполнительной, поставив под контроль стортинга вопрос назначения и увольнения министров, невольно претендуя на назначение и увольнение министра иностранных дел. Таким образом, отстаивая собственные норвежские интересы во внешней политике, парламент Норвегии *юридически* вторгся в дела межгосударственные. Имея единственную связь со Швецией в фигуре общего суверена – короля, стортинг, умаляя его prerogatives, затронул фундамент самого здания унии, поэтому союз двух королевств был обречен.

В более или менее хронологическом порядке события развивались в нескольких направлениях. Конфликт стортинга с королем по поводу права суспензивного вето последнего вылился в серьезные разногласия по поводу уже права короля налагать абсолютное вето на изменения, вносимые в конституцию. Напомним, согласно положениям Эйдсвольского акта король имел право наложить вето на законопроект, этот запрет преодолевался в случае, если стортинг на трех последующих легислатурах принимал его без изменений. Соответственно, вступление закона в силу отсрочивается минимум на 4 года, а максимум на 7 лет (срок легислатуры тогда был равен трем годам – § 71). Совершенствование законодательных вопросов, что отражалось на содержании § 75 конституции, отмена в 1873 г. поста наместника (вице-короля) и ряд других конституционных новелл, поставили на повестку дня вопрос о праве абсолютного вето короля на изменения конституции. Традиционная для того времени доктрина государственного права учила, что глава государства согласно принципу разделения властей должен обладать правом абсолютного вето на изменения, вносимые в конституцию. Последовательно, в 1851 и 1877 гг. это право признавалось стортингом за королем. Более того, в 1881 г. юридический факультет университета Кристиании (теперь Осло) в специальном докладе

стортингу указал, что такое право является неотъемлемой прерогативой короны¹⁹. Однако годом ранее, в 1880 г., стортинг отказался признать за королем такое право, соглашаясь с тем, что король в этой сфере может обладать только суспензивным вето. Собственно, при такой позиции парламента возникала очень острая ситуация: когда король отказывался санкционировать тот или иной законопроект или конституционную новеллу, правительство контрассигновывало это решение короля, то единственным выходом из создавшегося положения, казалось бы, должен был стать роспуск стортинга и назначение новых выборов. Но норвежская конституционная практика отрицает такую прерогативу исполнительной власти вплоть до сего дня.

Более того, когда в 1883 г. по поводу изменений § 74 конституции, допускавших министров на заседания парламента, правительство опять поддержало короля, оно практически в полном составе оказалось на скамье подсудимых. Стортинг квалифицировал их действия как государственную измену. Так, считает конституционная наука Норвегии, в стране был учрежден основополагающий принцип парламентаризма: уход правительства в отставку в случае серьезного разногласия с законодательным корпусом.

Однако парламентарный способ правления только интенсифицировал противостояние короля и стортинга. После 1884 г. вето короля не получало уже контрассигнатуры соответствующего министра, следовательно, функция исполнительной власти как таковая не действовала. Ситуация выглядела следующим образом: парламент принимает закон, король накладывает на него вето, а премьер в силу § 31 конституции (который говорит об обязательной контрассигнатуре премьера на всех решениях короля) отказывается под ним подписаться. Фактически это означает, что премьер присваивает себе функции главы государства, так как формально санкционирует принятый парламентом, но не одобренный королем закон.

В 1892 г. стортинг прямо заявил, что в таких случаях он признает силу за подписью министра под законопроектом, а не вето короля. Однако нормальная работа правительства в условиях его конфликта с королем становится невозможной. Поскольку яблоком раздора в таких конфликтных ситуациях служили законы о норвежских консульствах, с маниакальным упорством принимавшиеся стортингом,

---

¹⁹ Обстоятельства этого дела подробно рассмотрены: Castberg F. Juridiske stridsspørsmål i Norges politiske historie. S. 42–47. Сам текст конституции абсолютного вето не знал.

то государственное единство унии трещало по всем швам. Масло в огонь конфликта было подливо в 1893 г., когда норвежский парламент снизил вдвое содержание королю и наследнику престола. Надо заметить, что по ноябрьским условиям 1814 г. гражданский лист монарха формировался обоими государствами, правда, при этом уже тогда стортинг отказался предоставить в распоряжение короля какую-либо недвижимость. Таким образом, внутренний конфликт главы государства с народным представительством выплеснулся за пределы национальных границ и перешел в стадию противостояния Норвегии и Швеции.

* * *

Непосредственно кризис, вызревавший столь долгое время, разразился в мае 1905 г., когда король Оскар II, пока еще король унии, в который раз наложил вето на законопроект о консульствах. Норвежские министры подали в отставку в знак протеста. Король отказался ее принять, поскольку формирование нового правительства в создавшейся ситуации казалось невозможным. Уже 7 июня стортинг, выслушав доклад правительства о событиях 27 мая, принял знаменитое постановление, которое до сих пор даже в норвежской юридической литературе трактуется неоднозначно: «Поскольку члены Союзного Государственного совета сложили с себя полномочия, поскольку Его Королевское Величество объявило о невозможности назначить государству новое правительство и поскольку в силу этого конституционная власть короля утрачивает свою действенность, Стортинг уполномочивает выступивших сегодня членов Государственного совета впредь выполнять обязанности правительства Норвегии, с тем, чтобы исполнить полномочия короля, предписанные конституцией Норвегии и действующими законами с изменениями, которые необходимо воспоследуют в дальнейшем, ввиду того, что союз с Швецией во главе с королем распущен по причине прекращения последним исполнения обязанностей норвежского короля»²⁰. Постановление было принято единогласно

Наибольшие сомнения в юридической значимости вплоть до сегодняшнего дня вызывает именно последняя часть данного постановления норвежского парламента о разрыве унии. Например, один из ведущих конституционалистов современной Норвегии Й. Анденес вынужден был признать: «Решающее постановление от 7 июня, объявившее,

---

²⁰ 7. Juni – 9. April – 7. Juni. Historiske dokumenter. Utgitt ved C.J. Hambro. Oslo, 1957. S. 24–25.

что король более не может действовать в качестве норвежского короля и что в связи с этим уния является распущенной, на самом деле трудно расценить как чисто юридический акт»²¹. Надо заметить, что события 7 июня в Кристиании «революцией» были названы королем Оскаром II в его телеграмме в ответ на просьбу стортинга принять депутацию, которая постаралась бы смягчить бестактность норвежских законодателей по отношению к собственному главе государства. С моральной точки зрения трудно понять мотивы парламентариев, издавших одновременно с постановлением о разрыве унии постановление, приглашающее шведского принца на норвежский престол: «В знак доказательства того, что труды и борьба норвежского народа за полную самостоятельность отечества не основываются на каком-либо несогласии с династией и шведским народом... Стортинг почтеннейше испрашивает согласия Вашего Величества на отречение какого-либо принца династии Вашего Величества от прав на шведский престол в связи с его приглашением принять корону Норвегии»²².

Однако главный недостаток постановления 7 июня выражался в непозволительном для юридически значимого акта смешении предметов регулирования нормы, формируемой этим актом. Поясним: согласно ноябрьской редакции Эйдсвольской конституции король Швеции являлся одновременно королем Норвегии, следовательно, все взаимоотношения последнего со стортингом регулировались данной конституцией. Взаимоотношение Норвегии со Швецией регулировались Государственным актом 1815 г. Последний, являясь *de iure* международно-правовым договором, не подлежал одностороннему изменению. Тезис норвежских сепаратистов, что, изменяя конституцию, они могут изменить и Государственный акт, так как тот является составной частью конституции Норвегии (см. выше), был не более чем хитроумной конструкцией, *elegantia iuris*. Юридически Riksact представлял собой дополнение к Эйдсвольской конституции, по которой определенная доля суверенных прав государства делегировалась наднациональному органу, выражаясь по-современному. Следовательно, как совершенно верно заметил в свое время Э.Н. Берендтс²³, упразднение унии влекло

²¹ Andenæs J. Statsforfatningen i Norge. S. 39, cp.: Castberg F. Norges statsforfatning. Bd. I. S. 163. См. также другой труд этого юриста, целиком посвященный проблеме: Castberg F. Rett og revolusjon i Norge. Oslo, 1974.

²² 7. Juni – 9. April – 7. Juni. S. 27. Помимо явной бестактности это заявление со стороны может показаться еще и попыткой внести раскол в шведскую королевскую семью.

²³ Берендтс Э.Н. Указ. соч. С. 42, 45–46.

для Норвегии возвращение *status quo* на момент заключения Мосской конвенции, то есть превращал ее в личную собственность шведской короны *en toute propriété et souveraenité*, как гласили постановления Кильского трактата. Юридически только уния, акт ее оформлявший, был основанием государственности Норвегии. Поэтому претензия Норвегии на то, что она, изменив конституцию, изменяет и международный договор, связывающий ее с другим государством и являющийся по сути основанием ее конституционного строя, тогда, как и сейчас, не должна считаться правовой.

Позиция Швеции в данном вопросе, без сомнения, кажется предпочтительнее. 8 июня того же 1905 г. правительство Швеции попросило риксдаг назначить комиссаров для ведения переговоров с норвежской стороной по поводу расторжения унии. Ситуация стала приобретать угрожающий характер: началась концентрация войск по обеим сторонам границы, было отсрочено увольнение в запас моряков шведского флота, истерия в газетах двух стран нарастала. Твердая позиция комиссаров Швеции на переговорах с норвежскими делегатами вынудила Норвегию согласиться на проведение референдума, который должен был подтвердить постановление стортинга от 7 июня 1905 г. Шведы требовали либо провести референдум, либо принять такое же постановление, но после очередных выборов в парламент. Референдум был проведен 13 августа и дал предсказуемый результат: 386 202 избирателя высказались за разрыв унии, только 184 ее поддержали²⁴.

Осенью того же года была созвана конференция в Карлстаде (Южная Швеция), на которой были выработаны условия прекращения союза. Сразу нужно заметить, что программа конференции была выработана шведской стороной и включала в себя: срытие всех норвежских укреплений вдоль сухопутной границы, делимитацию границы, недопущение гонки вооружений между двумя странами, свободный доступ шведских саамов на места их кочевий в Северной Норвегии. Не без участия международного сообщества (особую роль в этом сыграла Англия) смогли договориться только о разоружении норвежских крепостей, при этом, правда, ввели иностранных инспекторов, наблюдавших за разоружением укреплений. Вдоль границы устанавливалась демилитаризованная зона шириной в 30 км, перемещения саамов стали свободными. Все пограничные споры в дальнейшем должны были решаться третейским судом, благо Постоянная палата третейского суда

---

²⁴ Castberg F. Norges statsforfatning. Bd. I. S. 162.

уже была создана I Гаагской конференцией 1899 г. Уже в 1909 г. Палата рассмотрела такой спор между Норвегией и Швецией по поводу территориального спора из-за морских границ.

14 (27) октября 1905 г. шведский поверенный при Русском императорском дворе уведомил графа Ламздорфа (министра иностранных дел), что правительство короля Оскара II признает унию между Швецией и Норвегией расторгнутой. На следующий день Норвегия официально обратилась к России с предложением об установлении дипломатических отношений. Граф Ламздорф 17 (30) октября 1905 г. уведомил норвежский МИД, что правительство Российской Империи «признает Норвегию в качестве совершенно независимого государства во всей его территориальной целостности (*dans toute son intégrité territoriale*) и заявляет о своей готовности незамедлительно войти в официальные сношения с Норвегией»²⁵. Россия оказалась первой великой державой, признавшей независимость Норвегии.

* * *

Независимость, как это показывает история всех «молодых» государств, оказывается на поверку не столь уж сладким словом. Международная практика неумолимо свидетельствует, что малые государства не в состоянии проводить истинно независимую политику. Фактор силы на сегодняшний день, как и тогда, является определяющим. В дальнейшем Норвегию ждал путь, усеянный терниями. Парадокс истории заключается в том, что, погаси в свое время пламя сепаратизма, норвежцы в годы Второй мировой войны счастливо избежали бы участи оккупированной страны. Впрочем, как знать, насколько удобна была бы для современной Европы мощная региональная сверхдержава, а такая участь, несомненно, ждала в XX в. унию Швеции и Норвегии.

Библиографический список

Андерсон И. История Швеции. М., 1951.

Берендтс Э.Н. О шведско-норвежской унии. Историко-политический этюд. Ярославль, 1895.

Исаев М.А. Основы конституционного строя Норвегии. М., 2001.

---

²⁵ Признание Россией норвежского независимого государства. Сб. документов. Сост. В.В. Похлебкин. М., 1958. № 43. С. 54.

- История Норвегии. М., 1980.
- История Швеции. М., 1974.
- Пергамент М.Я. О юридической природе реальной унии. Одесса, 1893.
- Признание Россией норвежского независимого государства. Сб. документов/ Сост. В.В. Похлебкин. М., 1958.
- Теплов В. Расторжение шведско-норвежской унии. СПб., 1908.
- Энгель К.Г. Швеция и Норвегия. Отд. 1. Статистика. Отд. 2. Вооруженные силы. СПб., 1880.
- Andenæs J. Statsforfatningen i Norge. 1994.
- Alin O. Den svenska-norska unionen. Upsattser och aktstycker. Bd. 1-2. Stockholm, 1889-1893.
- Bagge S., Mykland K. Norge i dansketiden. 1380-1814. Oslo, 1987.
- Castbegr F. Norges statsforfatning. Bd. 1. Oslo, 1947.
- Castberg F. Juridiske stridsspørsmål i Norges politiske historie. Oslo, 1961.
- Castberg F. Rett og revolusjon i Norge. Oslo, 1974.
- Christensen H. Skandinaviske drømme og politiske realiteter. Den politiske skandinavisme i Danmark. 1830-1850. Århus, 1981.
- Emanuelson L. Den svenska-norska utrikesförvaltningen. 1870-1905. Lund, 1980.
- Kjellen R. Staten som livsform. Stockholm, 1916.
- Lindgren R.E. Union, disunion and Scandinavian integration. Princeton, 1959.
- Det Norske Stortinget gjennom 150 år. Bd. 1-4. Oslo, 1964.
- Reuterksiöld C.A. Till belysning af den svenska-norska unionsförfattningen och dess tidigare utvecklingshistoria. Stockholm, 1893.
- Seip J.A. Fra embettsmannstat til ett partistat. Oslo, 1963.
- Steen S. De frivillige sammenslutninger og det Norske demokrati// Tusen år Norsk historie. Oslo, 1958.
- Stenberg K. Sverige-Norges skandinaviske alliansepolitikk. Helsingfors, 1943.
7. juni – 9. april – 7- juni. Historiske dokumenter / Utgitt ved C.J. Hambro. Oslo, 1957.
- Varenius O. Unionsförfattningen ur svensk och norsk synpunkt. Kritisk för-samling. Uppsala, 1893.
- Vedung E. Unionsdebatten 1905. En jämförelse mellan argumenteringen i Sverige och Norge. Stockholm, 1971.
- Weibull J. Carl Johan och Norge. 1810-1814. Unionspalenerna och deras förvecklingen. Lund, 1957.

The Dissolution of the Swedish-Norwegian Union in 1905

(Summary)

Maxim A. Isajev*

In 2005 our northern neighbor Norway celebrated the 100 years anniversary of the state independence. From 1814 up till 1905 Norway was in union (*unio realis*) with Sweden and formed with this state a single (but compounded) subject of international law. The struggle for independence was determined by the growth of national identity of Norwegian people and as a matter of fact by the difficulties and special traits of the Union. The Union failed of weak legal system and of weak governmental machine. In the article the author analyses the routes, causes and forms in which the process of dissolution happened.

Keywords: dismembratio of states; union and disunion; international law and municipal law; Swedish-Norwegian union; constitutional law; creation of statehood; state independence; the right of self-determination; history of Sweden and Norway; Scandinavian integration.

---

* Maxim A. Isajev – Doctor of Laws, assistant professor; professor of the Chair of Constitutional Law, MGIMO-University MFA Russia. resdep@mail.ru.